

ИНДИВИД, СЕМЬЯ, ОБЩЕСТВО

DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-3.j17s-ee77

EDN: PFWSPЕ

УДК 316.74:78

АННА АЛЕКСЕЕВНА ЧЕРКАШИНА

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева
Самара, Россия*

ЗНАЧЕНИЕ АЛЬТЕРНАТИВНОГО РУССКОГО РЭПА ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация: В статье рассматриваются особенности альтернативного русского рэпа, его отличия от мейнстримного рэпа, а также специфика нарративов, эстетики и способов самовыражения исполнителей. На примере таких артистов и объединений, как Kunteynir, 2H Company, «Кровосток», «Макулатура», «Ежемесячные», Boulevard Depo и другие, анализируется формирование альтернативной рэп-сцены в России и ее связь с андеграундной культурой, постиронией и экспериментальными музыкальными практиками. Теоретической основой исследования послужили концепции Е. Л. Омельченко, А. Е. Бойченко, Н. Н. Равочкина и других. Эмпирическая часть работы основана на свободных интервью с шестью слушателями альтернативного русского рэпа в возрасте от 18 до 35 лет. В результате исследования выявлено, что альтернативный рэп выполняет для молодежи не только развлекательную, но и интерпретационную, идентификационную и эмоционально-терапевтическую функции, а также становится механизмом формирования культурной близости и символического сообщества.

Ключевые слова: молодежь, музыкальные практики, альтернативный русский рэп, смыслы, культурные сцены

Ссылка для цитирования: Черкашина А. А. Значение альтернативного русского рэпа для современной молодежи // Петербургская социология сегодня. — 2026. — Т. 18. — № 3. — С. 86–103. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-3.j17s-ee77; EDN: PFWSPЕ

Введение

Молодежь является социальной группой, в которой активно формируются новые культурные практики, идентичности и формы солидарности. Для молодежи музыка является не только способом проведения досуга, но и важным инструментом осмысления социальной реальности, выражения личного опыта и выстраивания символических границ «своих» и «чужих». В этом контексте рэп занимает особое место в современной молодежной культуре, становясь не только популярным музыкальным жанром, но и способом формирования идентичности и молодежных солидарностей [1, 2].

Сам рэп принадлежит культуре хип-хопа и является одной из главных составляющих этой культуры [3]. С зарождения классического уличного рэпа в 2000-х прошла четверть века, и с течением времени рэп-культура стала очень разнообразна, в том числе и в России. Современная рэп-сцена характеризуется высоким уровнем жанровой диверсификации, включая трэп, гангста-рэп, альтернативный хип-хоп, поп-рэп, рэп-рок, лоу-фай хип-хоп и хардкор-хип-хоп. Такое многообразие поджанров отражает и порождает дифференциацию аудитории, формируя специфические группы слушателей с различными предпочтениями и потребностями.

С эволюцией жанра изменяется и нарратив, присущий рэп-музыке, которая изначально являлась формой музыкального протеста. В отличие от поп-музыки, ориентированной на мелодичность, танцевальность и легко запоминающиеся припевы, рэп традиционно делает акцент на смысловую составляющую текстов. Альтернативный хип-хоп, возникший в 2010-х гг. (среди ранних примеров можно выделить творчество такой группы, как Kunteynir), отличается более сложными, поэтическими и зачастую метафорическими нарративами. Этот поджанр, несмотря на свою экспериментальность и потенциально более низкую доступность смыслов по сравнению с «уличным» рэпом, сумел сформировать устойчивую аудиторию и демонстрирует высокую степень распространения.

Однако, несмотря на значимость альтернативного хип-хопа для молодежной аудитории, социологических исследований, посвященных глубокому качественному анализу этого феномена, недостаточно [4]. Существующие исследования зачастую фокусируются на лингвистических аспектах или контент-анализе текстов мейнстримных исполнителей первой половины 2010-х (например, Басты, Гуфа) и феномена рэп-баттлов (на примере Славы КПСС), которые уже не вполне отражают специфику современного альтернативного рэпа и его нарративов [2].

Цель данной работы — обратить внимание на значения альтернативного русского рэпа для современной молодежи.

Задачи данной статьи: 1) рассмотреть, что из себя представляет альтернативный русский рэп; 2) обозначить теоретические основания исследования альтернативного русского рэпа; 3) провести эмпирический анализ значений альтернативного русского рэпа для современной молодежи.

Что такое альтернативный русский рэп?

Альтернативный русский рэп сложно определить через четкие жанровые рамки, скорее это совокупность независимых сцен, локальных сообществ и исполнителей, противопоставлявших себя как массовому русскому рэпу, так и его коммерческим стандартам. Для этой среды характерны намеренный уход от радиоформата, эксперименты со звучанием, литературоцентричность текстов, маргинальная эстетика и постоянный поиск новых способов высказывания.

Одними из ранних представителей такого подхода можно считать группу «Рабы Лампы», которая еще в конце 1990-х противопоставляла себя доминировавшему тогда подражанию американскому гангста-рэпу. Позже это направление продолжили проекты, работавшие на стыке рэпа, авангардной электроники и spoken word. Особенно важным для формирования альтернативного русского хип-хопа стал петербургский коллектив 2H Company. Их музыку описывали как «киберпанк-версию хип-хопа», «альтернативный хип-хоп местной выделки» и «умопомрачительный рэп не для всех». В творчестве группы рэп соединялся с IDM, экспериментальной электроникой и абсурдистской литературной традицией. Михаил Феничев, участник группы 2H Company, неоднократно подчеркивал, что проект изначально задумывался как особая форма хип-хопа, существующая вне привычных жанровых определений: *«Изначально, как видно из названия, мы думали о том, что делаем, как о разновидности хип-хопа. Но в процессе работы очень быстро поняли такую вещь: тексты Миши Феничева очень необычны, и его манера исполнения — тоже. Все это выпадает из того, что принято называть рэпом, а значит, и музыка должна максимально выпадать из того, что принято в рэпе или хип-хопе. Поэтому хип-хоп и рэп — это не то, что мы развиваем или продолжаем, но то, от чего мы отталкиваемся как от противоположного. Ведь чтобы сделать шаг, нужно место, от которого ногой можно оттолкнуться»*¹.

¹ 2H Company стали № 1 на zvuki.ru // Музыкальная газета: [сайт]. — URL: <https://nestor.minsk.by/mg/news/2005/12/3006.html> (дата обращения: 23.05.2026).

В середине 2000-х альтернативный русский рэп окончательно оформился как самостоятельная культурная среда. В этом важную роль сыграла группа «Кровосток», участники которой перенесли в рэп эстетику постмодернистской литературы, криминального гротеска и художественной деконструкции. Несмотря на внешнюю форму гангста-рэпа, проект воспринимался многими скорее как арт-группа, чем как традиционный хип-хоп-коллектив. Михаил Феничев, участник группы 2H Company, называл «Кровосток» «большим прорывом для русского рэпа»². Их монотонная читка, гипертрофированное насилие и намеренно бытовой язык сильно повлияли на андеграундную сцену 2010-х.

Параллельно развивалась линия максимально маргинального и антииндустриального рэпа. К ней можно отнести группу Kunteynir и, в частности, ее участника, Пашу Техника, чье творчество строилось вокруг эстетики хаоса, «угара и сознательной деградации формы». Их музыка долгое время существовала практически вне музыкальных медиа, распространяясь через форумы, пиратские архивы и локальные интернет-сообщества. При этом именно подобные проекты сформировали отдельный язык русского интернет-андеграунда. Что отличало группу Kunteynir от привычных всем рэп-групп, так это образ лидера группы Паши Техника, который на всех выступлениях был в маске обезьяны. Выбор такого образа был нетипичным для привычного понимания того, как должен выглядеть рэпер, и уже в этом видно отклонение от мейнстримного рэпа. Абсурдный образ и абстрактные тексты с маргинальной наклонностью впоследствии стали «визитной карточкой» группы.

Особое направление альтернативного рэпа связано с литературностью и экзистенциальной тематикой. Здесь особенно выделяются «Макулатура» и проект «Ночные грузчики». Сами участники группы «Макулатура» определяли собственный стиль как «социально-бытийный реп». В их текстах бытовая депрессия, провинциальность, отчуждение и внутренняя пустота становятся центральными темами, а рэп все больше приближается к форме современной поэзии или прозаического монолога. Во многом именно эта линия оказала влияние на таких исполнителей, как Овсянкин, «Саша Скул» и «Вышел покурить».

Кирилл Овсянкин — еще один яркий представитель альтернативного русского рэпа, и так же, как и Паша Техник, выстроил образ, используя маску. Его стиль — рэп с текстами, в которых присутствует «чернуха»:

² Постерняк В. Billboard RE #01 Hip-Hop // Billboard: [сайт]. — URL: https://web.archive.org/web/20160324105029/https://issuu.com/pashakoshlyak/docs/billboard_re_no.01_hip-hop (дата обращения: 23.05.2026).

скатология, нецензурные слова с противопоставлением себя популярной культуре и отказом от классического стиля.

К концу 2010-х альтернативный рэп окончательно перестал быть исключительно маргинальным явлением. Многие исполнители андеграундной сцены получили широкую известность, однако сохранили дистанцию по отношению к «индустрии». Так, Слава КПСС, участник музыкального объединения «Антихайп», главной идеологией которого является постирония и, как следует из названия объединения, противопоставление «хайпу», то есть популярности, мейнстриму, вместе с тем стал медийной фигурой и сохранил участие в экспериментальных проектах вроде «Ежемесячные». Аналогичным образом артисты новой волны Boulevard Deso и i61, а также группа «Золотые зубы», перенеся в относительно массовое поле эстетику клауд-рэпа, интернет-культуры и DIY-подхода, сохранили связь с андеграундной традицией.

Таким образом, альтернативный русский рэп представляет собой не единый жанр, а пространство постоянного эксперимента. Его объединяет не конкретное звучание, а отказ от жанровых и индустриальных норм, стремление к самостоятельному художественному языку и попытка использовать рэп как форму личного или социального, или просто литературного высказывания.

Теоретические основания

В российском научном поле исследование молодежных культур занимает значимое место. Большой вклад внесла Е. Л. Омельченко, изучавшая молодежные сообщества, культурные сцены и культурные практики [5]. Омельченко уделяет значительное внимание культурным практикам молодежи, анализируя их через призму концепции «культурных сцен», а не только классических субкультур. Она исследует, как молодежь использует культурные формы (музыка, стиль, интернет-общение) для самовыражения, создания солидарностей и взаимодействия с обществом.

Исследования самого рэпа присутствуют в работах таких ученых, как А. Е. Бойченко [6]. Показано, что корпусный анализ текстов русскоязычного рэпа выявляет кластеры, связанные с идентичностью, социальной критикой, любовной и экзистенциальной тематикой. Подобные результаты свидетельствуют о том, что рэп не ограничивается лишь протестной риторикой, но выполняет функцию культурного кода, позволяющего молодым людям интерпретировать собственный опыт.

Н. Н. Равочкин в своих работах акцентирует внимание на том, что рэп играет значимую роль в формировании жизненных миров

студенческой молодежи [2]. Он показывает, что эта музыка становится для молодых людей средством осмысления социальной реальности и выработки собственных стратегий жизни.

Культурологический и семиотический аспекты репрезентации смыслов в музыке рассмотрены в статье Н. С. Мудрян [7]. Автор подчеркивает, что музыка является носителем смыслов, конструируемых и присваиваемых слушателями в процессе восприятия. Аналогичные идеи можно найти у Е. А. Гришиной, которая трактует русский рэп как саморефлексию поколения, отмечая, что именно в текстах и эстетике этого жанра молодые люди находят инструменты для самопонимания и артикуляции личного опыта [1].

Однако в существующих исследованиях наблюдается большой пробел: внимание уделяется в основном мейнстримному рэпу, тогда как альтернативные направления, такие как абстрактный, экспериментальный, андеграундный рэп, остаются практически неизученными.

Эмпирический анализ значений альтернативного русского рэпа для современной молодежи

Данное исследование выполнено в рамках качественной методологической стратегии на основе полуструктурированных интервью, позволяющих выявить субъективные смыслы и интерпретации, которые молодые люди вкладывают в музыкальные практики прослушивания альтернативного русского рэпа [8].

Отбор респондентов носил целевой характер — это молодежь в возрасте от 18 до 35 лет. Интервью планировалось взять у 30 молодых людей (15 женщин и 15 мужчин), но осуществить этот замысел удалось лишь частично как пилотный проект. Отбор информантов осуществлялся из числа слушателей альтернативного русского рэпа, готовых к подробному обсуждению своего музыкального опыта.

Были отобраны конкретные исполнители, группы и музыкальные проекты в жанре альтернативного русского рэпа, и, чтобы упростить поиск информантов, потенциальному информанту прежде всего предоставлялся список отобранных исполнителей. Отбор рэперов осуществлялся на основе исследования популярного российского музыкального журналиста Николая Редькина¹. Был осуществлен поиск подходящей информации на сайтах RAP.RU и The Flow, так как это одни из самых

¹ Редькин Н. Н. Абстрактный рэп был непонятным, но жутко интересным // YouTube. 04.06.2025. — URL: https://youtu.be/y9e-q-NhlcI?si=LkPrf-NubJ7_arNt (дата обращения: 26.11.2025).

крупных и влиятельных ресурсов о русском рэпе в России, однако более обширных статей не нашлось.

1. «Рабы Лампы»
2. Kunteynir
3. Паша Техник
4. Ларик Сурапов
5. 2H Company
6. «Кровосток»
7. «Ленина Пакет»
8. Бабангида
9. Мутант Ёхвлам
10. «ТВЖ»
11. «Птицу ЕМЪ»
12. «Макулатура»
13. «Ночные грузчики»
14. «Эхопрокуренныхподъездов»
15. «Ежемесячные»
16. Слава КПСС
17. Овсянкин
18. Саша Скул
19. Вышел покурить
20. Boulevard Depo
21. i61
22. «Золотые зубы»

Чтобы попасть в число респондентов, информанты должны были слушать хотя бы половину исполнителей из данного списка.

Несмотря на противопоставление мейнстримности, многие рэперы стали очень популярны и запечатлели так называемый «голос поколения». Например, Слава КПСС, известный рэп-баттлами, ныне получил большую популярность, множество упоминаний в журналах, в том числе в репортаже на Первом канале¹. Также одним из событий, принесших исполнителю популярность посредством ТВ-показов, стало участие в вокальном шоу «Успех» в качестве члена жюри. Несмотря на возникшую широкую популярность, Вячеслав и его проекты остались

¹ Рэп-баттл Oxxxymiron vs Гнойный стал одним из самых обсуждаемых событий августа // 1tv.ru. — 2017. — URL: https://www.1tv.ru/news/2017-09-03/331922-rep_battl_oxxxymiron_vs_gnoynyy_stal_odnim_iz_samyh_obsuzhdaemyh_sobytiy_avgusta (дата обращения: 15.12.2025).

важной частью альтернативного жанра в России. Его малопопулярный проект «Ежемесячные» до сих пор выпускает музыкальные альбомы в этом жанре, сам Вячеслав постоянно находится в поиске новых форм для своих высказываний посредством рэпа. В представляемом исследовании исполнители не подразделялись по тематическим направлениям, так как альтернативность жанра способствует объединению множества смыслов.

Для нашего пилотного исследования были взяты интервью у шести информантов в возрасте от 18 до 35 лет, которые слушают альтернативный русский рэп. Полученные результаты следует рассматривать как предварительные выводы для выявления ключевых значений, связанных с прослушиванием альтернативного русского рэпа.

В представлениях информантов альтернативный рэп четко противопоставляется массовому и коммерческому рэпу. Последний описывается как музыка, ориентированная на широкую аудиторию, и понятные, «прямолинейные» смыслы, в то время как альтернативный рэп воспринимается как более сложное и нишевое направление, как «то, что не покрутят по радио» (ж., 22). *«Альтернативный рэп — музыка подполья»* (м., 27).

Один из информантов характеризует его как *«метафорически постироническое творчество, которое не всегда закручено вокруг какого-то сюжета, порой это просто набор слов, который, чтобы понять, нужно быть приверженцем какой-либо субкультуры»* (м., 19). Смысловое отличие альтернативного рэпа также связывается с иной повесткой. По словам одного из информантов, в нем отсутствует привычная для мейнстрима ориентация: *«нет повестки, касающейся денег, телок, шмоток, бабок, она там есть, но преподносится в другом ключе»* (м., 22).

Информанты также подчеркивают, что альтернативный рэп отличается многослойностью смыслов. По словам одной из информанток, *«это всегда смысл, который надо там найти»* (ж., 23), а восприятие треков может меняться в зависимости от слушателя и ситуации: *«если я послушаю — один смысл, потом ты послушаешь — другой смысл»* (ж., 22). Важной характеристикой жанра становится вариативность интерпретаций и возможность неоднозначного прочтения текстов. В этом прослеживается очевидное сходство с феноменами постиронии и метаиронии, специфика которых также всецело опирается на восприятие и контекстуальную оптику слушателя (потребителя контента).

Альтернативность жанра связывается и с особой эстетикой подачи. Информанты отмечают смешение маргинальных и возвышенных

образов, использование иронии и постиронии, переосмысление уже существующих музыкальных форм и текстов. Один из информантов описывает жанр как *«грань музыки, когда хип-хоп смешивается с жанрами техно или чем-то еще»* (ж., 19), а другая информантка подчеркивает, что альтернативный рэп отличает *«синтез звучания со смыслом»* (ж., 23) и считает, что эстетика *«как раз в аранжировках, в смысле, в ритме»* (ж., 23). Маргинальную эстетику один из информантов описывает как *«Drug city life — в трех словах эстетика альтернативного рэпа — наркоманская городская жизнь»* (м., 19), что нам кажется довольно яркой характеристикой того, как можно описать одну из граней альтернативного поджанра рэпа.

Информанты определяют альтернативный русский рэп не только как музыкальный поджанр, но и как особую культурную и смысловую форму, предполагающую сложную интерпретацию, ироничную подачу и дистанцирование от коммерческого формата.

Интервью показали, что знакомство с жанром чаще всего происходило в подростковом возрасте через друзей или близкое окружение. Один из информантов отмечает: *«впервые я услышал это лет в десять, сосед включил пару треков»* (м., 22), другая информантка вспоминает, что познакомилась с жанром *«...классе в восьмом, наверное, просто подруга показала»* (ж., 19). При этом первоначальный интерес постепенно перерастал в более глубокую эмоциональную и смысловую вовлеченность.

Одним из ключевых мотивов прослушивания становится ощущение уникальности и отличия от массовой музыкальной культуры. Информанты подчеркивают, что в момент знакомства с альтернативным рэпом *«никто это тогда не слушал»* и возникало чувство собственной *«аутентичности»* (м., 27). Альтернативный рэп воспринимался как нечто отличное от популярной музыки и формировал ощущение принадлежности к более узкому культурному кругу.

Существенную роль играет и смысловая составляющая жанра. Информанты отмечают сложность текстов, наличие отсылок, многослойных смыслов и нестандартной рифмовки. По словам одной из информанток, *«в текстах очень нравятся отсылки»* и *«не нравятся слишком простые рифмы»* (ж., 22). Для части слушателей важным становится сам процесс интерпретации: возможность *«разбирать»* тексты, искать скрытые смыслы и находить новые интерпретации с течением времени.

«Эта музыка, как хорошее вино, — с годами только хорошеет. С изменением своей парадигмы мира ты можешь посмотреть на нее под другим углом» (м., 19).

Если изначально внимание привлекали звучание и подача, то позже более значимыми становятся ирония, постирония и эмоциональная неоднозначность текстов. Одна из информанток подчеркивает, что альтернативный рэп позволяет говорить о сложных переживаниях в шутильной форме, не проговаривая их напрямую: *«Это вещи, о которых ты даже не можешь серьезно говорить... ты рассказываешь и смеешься, чтобы скрыть переживание»* (ж., 19).

Альтернативный рэп также описывается как способ эмоциональной разгрузки и проживания внутренних состояний. Информанты связывают его с ощущением расслабления, ностальгии и эмоционального комфорта. По словам одной из информанток, жанр помогает ей *«выговориться немножко в другом ключе, не травмировав себя»* (ж., 23).

Для части информантов важной оказывается и возможность обнаружить в текстах отражение собственного опыта и внутреннего состояния. Один из участников исследования отмечает, что *«...находил отголоски текстов в себе»* (м., 19), а другой информант говорит об *«ощущении прожитого опыта»* (м., 22) и эмоциональной близости даже к тем сюжетам, которые не совпадают с его биографией напрямую.

Привлекательность альтернативного русского рэпа для информантов связана не только со звучанием, но и с возможностью интерпретации текстов, переживания эмоционального опыта, ощущения культурной исключительности и поиска отражения собственных состояний в музыке.

Собранные интервью показали, что информанты действительно связывают данный музыкальный жанр с переживанием ментальной близости и ощущением «своих», однако чаще описывают это не как формализованное сообщество, а как более неявную культурную общность.

По словам информантов, слушатели альтернативного рэпа — это *«люди, которые плюс-минус на одной волне находятся, им всегда есть что обсудить вне зависимости от того, знакомы они или нет»* (ж., 22). Музыкальный вкус становится своеобразным маркером потенциальной близости: *«я понимаю, что это люди, с которыми я найду общий язык»* (ж., 19).

Некоторые информанты связывают принадлежность к жанру с определенным мировоззрением и образом мышления. Один из участников исследования описывает слушателей альтернативного рэпа как людей, *«...противопоставляющих себя общепринятым правилам»* (м., 22), другая информантка говорит о них: *«Мне кажется, что люди, которые такой рэп слушают, воспринимают, это люди более глубокие, более интеллектуальные»* (ж., 23). При этом подчеркивается не внешний стиль или субкультурная атрибутика, а особенности коммуникации, ироничность и схожее восприятие мира.

Вместе с тем информанты отмечают, что у слушателей альтернативного рэпа отсутствует четко оформленное сообщество или единая фанатская культура. По словам одной из информанток, *«здесь как будто не существует единого сообщества»* и *«здесь не появляется ярлыков, нет четкого представления образа слушателя альтернативного рэпа»* (ж., 22). Принадлежность к жанру чаще переживается как нечто «ментальное» и интуитивно считываемое в процессе общения.

«В чем, кстати, плюс альтернативного рэпа, это сообщество как-то чувствуется извне, все это ощущается как-то ментально, то есть тебе не обязательно говорить, что ты слушаешь альтернативный рэп» (м., 27).

Ощущение разделения на «своих» и «чужих» в музыкальном плане выражено достаточно ярко. Информанты рассказывают, что через общие музыкальные предпочтения проще устанавливаются новые социальные связи, возникает обмен музыкой, обсуждение релизов и совместное переживание определенных смыслов. Один из информантов отмечает, что музыкальный вкус помог ему познакомиться с новыми людьми и почувствовать *«что-то, что связывает нас»* (м., 19).

По данным интервью, альтернативный русский рэп скорее не формирует явного сообщества слушателей, а выступает механизмом формирования символической и ментальной близости между слушателями. Музыкальный вкус становится способом распознавания, основанием для коммуникации и частью культурного самоопределения информантов.

Информанты чаще всего выделяют темы маргинальности, внутреннего кризиса, городской повседневности, переживания жизненных трудностей и отчужденности. При этом слушатели подчеркивают, что важны не столько конкретные темы, сколько способ их подачи. Один из информантов описывает содержание альтернативного рэпа следующим образом: *«Drug city life, насилие, маргинальный образ жизни, повествование о разных кругах маргинальности»* (м., 19). Другой информант говорит о темах: *«Broke day, бедность, борьба за выживание, сравнение образа жизни с крысиными бегами»* (м., 22).

При этом для части информантов подобные сюжеты оказываются значимыми не в буквальном смысле, а как эмоционально и символически близкие состояния. Одна из информанток отмечает: *«Условно в треке поется “ночевали под мостом”, у меня такого не было, но мне настолько это близко, я вспоминаю свои события»* (ж., 22).

Многие информанты подчеркивают, что ключевой особенностью жанра становится ироничная и непрямая форма высказывания. По словам одной из участниц исследования: *«В альтернативном рэпе все*

переживания описываются через гиперболу, метафору, метонимию... человек этим пытается максимально замаскировать» (ж., 19). Она же сравнивает подобный способ высказывания с *«камуфляжем, который дает ощущение безопасности»* (ж., 19).

Для информантов важной оказывается возможность говорить о тяжелых переживаниях через иронию и абсурд. Информант также подчеркивает роль иронии и метаиронии: *«Складывается некая пирамида значений — от примитивных до более глубоких, но все окутывается метафорами, иронией и метаиронией»* (м., 19).

Некоторые информанты связывают альтернативный рэп с особым типом эмоциональности. Так, одна из участниц исследования выделяет *«объединения меланхоличного ряда»*, которые помогают ей отражать собственные переживания и находить *«большие горизонты для становления ментальности»* (ж., 23).

Особое значение информанты придают фигуре самого исполнителя и его способу подачи материала. Одна из участниц исследования отмечает: *«Они проецируют себя через эту музыку, доносят свое видение мира, свои фантазии, кто-то — даже свою реальность»* (ж., 19).

В этом контексте альтернативный рэп воспринимается не просто как музыкальный жанр, а как особая форма культурного высказывания. Один из информантов прямо называет его *«своего рода новой литературой»* (м., 27). При этом информанты неоднократно подчеркивают многослойность жанра и возможность различных интерпретаций.

Таким образом, значимыми для информантов оказываются не только темы маргинальности, переживаний или внутреннего кризиса, но и сама форма репрезентации этих состояний: через иронию, метафоры, абсурд и интерпретационную неоднозначность.

Анализ интервью также показал, что музыка действительно влияет на социальные практики слушателей, однако чаще это проявляется не через ярко выраженную субкультурную атрибутику, а через более «неявные» формы взаимодействия и самоощущения.

Большинство информантов посещают концерты и тематические мероприятия, связанные с альтернативным рэпом. При этом важным для них оказывается не столько сам факт присутствия на концерте, сколько атмосфера и ощущение вовлеченности аудитории. Одна из информанток отмечает: *«Для меня важно, чтобы люди были в курсе, то есть они не пришли просто так, потому что какой-то трек завирусился»* (ж., 22).

Другой значимой чертой подобных мероприятий информанты называют отсутствие дистанции между артистом и слушателем. По словам информантки: *«Себя артист спокойно ставит вровень с народом...*

мне кажется никогда не будет такого: пришла звезда, ушла звезда» (ж., 23). Концерты воспринимаются не как строго организованное шоу, а скорее как пространство более горизонтального и «своего» взаимодействия.

При этом сами информанты нередко подчеркивают, что музыка на подобных мероприятиях не единственное и не главное, что их объединяет. Один из участников исследования говорит: *«Хожу на тусовки, концерты, круто, да, нахожу общие темы, но музыка тут не главное»* (м., 27).

Музыка в данном случае становится своеобразной отправной точкой для коммуникации. Информанты рассказывают, что обсуждение релизов, треков и исполнителей помогает поддерживать общение и находить новых знакомых:

«Наше общение вполне могло начаться с этого» (ж., 22);

«Мне важна ментальная близость, музыка помогает сблизиться с кем-то новым» (ж., 23).

Для части информантов музыкальный вкус становится важным социальным маркером. Один из участников исследования приводит показательный пример знакомства: *«Я был в баре и заказал песню Kunteynir, среди толпы увидел только одного парня, знающего эту группу, после этого мы еще долго общались»* (м., 27). В этом случае знание определенных исполнителей выступает способом распознавания «своих» и основанием для установления контакта.

Интересно, что при высокой значимости жанра для информантов внешняя демонстрация принадлежности к нему выражена слабо. Большинство участников исследования отмечают отсутствие специфического стиля или атрибутики. Один из информантов говорит: *«Я ношу широкие штаны, но это скорее общий рэп-стиль одежды»* (м., 19), а другая информантка кратко отвечает на вопрос о внешнем выражении приверженности: *«Нет»* (ж., 19).

Слушатели альтернативного рэпа скорее дистанцируются от демонстративной репрезентации своей принадлежности. Более того, некоторые информанты относятся к демонстративности критически. Так, одна из участниц исследования называет постоянные фото и видео с концертов «позерством» и подчеркивает, что *«любовь к исполнителю не должна подтверждаться в соцсетях»* (ж., 22).

При этом влияние жанра все же прослеживается на уровне повседневного поведения и способов интерпретации реальности. Некоторые информанты отмечают, что со временем стали чаще использовать иронию и иначе относиться к жизненным ситуациям. Одна из информанток

описывает это следующим образом: *«Я стала многие вещи осмыслять через абсурд»* (ж., 23). Она же отмечает: *«Я даже себя стала также преподносить — свою червоточину через юмор, не серьезно, с иронией»* (ж., 23).

Приверженность альтернативному русскому рэпу проявляется прежде всего не во внешней атрибутике, а в символических и коммуникативных практиках: способах общения, восприятии «своих», ироничной манере интерпретации переживаний и культурной близости с другими слушателями жанра.

Выводы

Проведенное пилотное исследование позволяет выделить несколько ключевых значений, которые альтернативный русский рэп приобретает для современной молодежи.

Смысловое и интерпретационное значение. Альтернативный рэп воспринимается слушателями прежде всего как особая форма культурного высказывания, требующая активной интерпретационной работы. В отличие от мейнстримного рэпа, ориентированного на понятные и прямолинейные смыслы, альтернативный жанр предполагает многослойность, метафоричность и постиронию. Слушатели не просто потребляют музыку — они «разбирают» тексты, ищут скрытые смыслы, а одни и те же треки могут приобретать разные значения в зависимости от жизненного опыта и момента прослушивания. В этом отношении информанты сопоставляют жанр с литературой, называя его *«своего рода новой литературой»* (м., 27).

Слушатель выступает как соавтор; информанты описывают жанр как принципиально незакрытый текст, требующий достраивания. Это ближе к современной поэзии или концептуальному искусству, чем к музыке в обычном смысле. В отличие от массовых жанров, где слушатель выступает потребителем готового смысла, здесь он оказывается вовлечен в процесс интерпретации и смыслопроизводства.

Эмоционально-терапевтическое значение. Для многих слушателей альтернативный рэп становится способом эмоционального проживания и осмысления собственных переживаний. Ирония, абсурд и гипербола становятся своеобразным «камуфляжем», который позволяет говорить о тяжелых состояниях: одиночестве, кризисе, отчуждении, не называя их напрямую. Жанр дает возможность «выговориться, не травмировав себя», прожить сложный опыт через дистанцию юмора и постиронии. Это особое значение особенно актуально для молодежной аудитории,

которой нередко сложно артикулировать внутренние переживания в прямой форме.

Идентификационное значение. Приобщение к альтернативному рэпу формирует у слушателей устойчивое ощущение культурной идентичности. Музыкальный вкус становится маркером «своих»: людей, с которыми «есть о чем говорить» и которые «воспринимают мир схожим образом». При этом принадлежность к жанру переживается не через внешнюю субкультурную атрибутику, а как нечто ментальное и интуитивно считываемое. Это отличает слушателей альтернативного рэпа от традиционных субкультурных групп с четким визуальным кодом.

Социально-коммуникативное значение. Несмотря на отсутствие оформленного фан-сообщества, альтернативный рэп выступает важным основанием для социальных связей. Общие музыкальные предпочтения запускают коммуникацию, облегчают знакомства и создают ощущение горизонтальной близости, в том числе между артистом и слушателем на концертах. Знание конкретных исполнителей функционирует как своеобразный «пароль» для распознавания своих в случайном окружении.

Отсутствие сообщества как черта жанра. У металлистов есть атрибутика, у хипстеров существует определенная эстетика, у классических рэперов есть определенный стиль. Здесь же информанты прямо говорят: «нет четкого образа слушателя» (ж., 22), «не существует единого сообщества» (ж., 22). Принадлежность скорее ментальная, а не визуальная, и это специфическая черта альтернативного русского рэпа.

Мировоззренческое значение. Со временем жанр начинает влиять не только на музыкальные предпочтения, но и на способ восприятия реальности. Информанты отмечают, что под влиянием альтернативного рэпа стали чаще воспринимать жизненные ситуации через абсурд и иронию, а также иначе преподносить собственные переживания. Таким образом, жанр формирует особую оптику, через которую слушатели интерпретируют и себя, и окружающий мир.

Проведенный анализ показывает, что альтернативный русский рэп сложно свести только к музыкальному жанру. Для слушателей он одновременно становится пространством интерпретации и смыслопорождения, инструментом эмоциональной саморегуляции, основанием для идентичности и социальных связей, а также особой мировоззренческой рамкой. Эти значения не существуют изолированно друг от друга, а проявляются одновременно в повседневных практиках прослушивания и коммуникации современной молодежи. Полученные результаты открывают перспективу для дальнейших исследований, направленных на более глубокий анализ

феномена «невидимых» молодежных сообществ без выраженной внешней атрибутики, а также на изучение постиронии и абсурда как специфических копинг-стратегий современного молодого поколения.

Источники

1. *Гришина Е. А.* Русский рэп как саморефлексия поколения // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. — 2019. — № 3. — С. 86–96. — DOI: 10.28995/2073-6401-2019-3-86-96.
2. *Равочкин Н. Н.* Влияние рэп-музыки на формирование ценностей российской молодежи в 2000–2010-е гг. (по материалам социологических исследований) // ВЭПС. — 2024. — № 3. — С. 223–227. — DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-223-227.
3. *Луков В. А.* Хип-хоп культура // Знание. Понимание. Умение. — 2005. — № 1. — С. 147–151.
4. *Завалишин А. Ю., Костюрина Н. Ю.* Русская рэп-культура: специфика научного анализа // Журнал интегративных исследований культуры. — 2020. — Т. 2, № 1. — С. 60–68. — DOI: 10.33910/2687-1262-2020-2-1-60-68.
5. Молодежь в городе: культуры, сцены и солидарности: монография / Сост. и науч. ред. Е. Л. Омельченко. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. — 502 с.
6. *Бойченко А. Е., Жучкова С. В.* Что скрывает русский рэп? Тематическое моделирование текстов русскоязычной hip-hop-сцены // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2020. — Т. 23, № 2. — С. 130–165.
7. *Мудрян Н. С.* К вопросу конституирования смыслов музыкальной культуры: структурно-функциональный и семиотический подходы // Культурная жизнь Юга России. — 2024. — № 2 (93). — С. 145–154. — DOI: 10.24412/2070-075X-2024-2-145-154.
8. *Семенова В. В.* Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. — М.: Добросвет, 1998. — 292 с.

Сведения об авторе

Черкашина Анна Алексеевна, магистрант программы «Прикладная социология и социальная психология», Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Самара, Россия.
anyacher6@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 14.06.2026;
поступила после рецензирования и доработки: 04.07.2026;
принята к публикации: 08.07.2026.

ANNA A. CHERKASHINA

*Samara National Research University
named after Academician S. P. Korolev,
Samara, Russian Federation*

THE IMPORTANCE OF ALTERNATIVE RUSSIAN RAP FOR MODERN YOUTH

Abstract: This article explores alternative Russian rap in contemporary youth culture. It examines the genre's characteristics, its differences from mainstream rap, and the specific narratives, aesthetics, and modes of self-expression of its performers. Using examples from artists and groups such as Kunteynir, 2H Company, Krovostok, Makulatura, Yezhemesyachenie, Boulevard Depo, and others, it analyzes the formation of the alternative rap scene in Russia and its connection to underground culture, post-irony, and experimental musical practices. The theoretical basis of the study is the concepts of E. L. Omelchenko, A. E. Boychenko, N. N. Ravochkin, and others. The empirical portion of the study is based on six open-ended interviews with listeners of alternative Russian rap aged 18 to 35. The study revealed that alternative rap serves not only entertainment but also interpretative, identifying, and emotionally therapeutic functions for young people, and also becomes a mechanism for forming cultural intimacy and a symbolic community.

Keywords: youth, musical practices, alternative Russian rap, meanings, cultural scenes

For citation: Cherkashina A. A. The Importance of Alternative Russian Rap for Modern Youth. St. Petersburg Sociology Today. 2026. Vol. 18. No. 3. P. 86–103. DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-3.j17s-ee77; EDN: PFWSP

References

1. Grishina E. A. Russkii rep kak samorefleksiya pokoleniya [Russian Rap as a Generation's Self-Reflection]. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie* [RSUH Bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Art Studies], 2019, no. 3, pp. 86–96. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-3-86-96. (In Russ.)
2. Ravochkin N. N. Vliyanie rep-muzyki na formirovanie tsennostei rossiiskoi molodezhi v 2000–2010-e gg. (po materialam sotsiologicheskikh issledovanii) [The Influence of Rap Music on the Formation of Values of Russian Youth in the 2000s–2010s (Based on Sociological Research)]. *VEPS*, 2024, no. 3, pp. 223–227. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-223-227. (In Russ.)
3. Lukov V. A. Khip-khop kul'tura [Hip-Hop Culture]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2005, no. 1, pp. 147–151. (In Russ.)
4. Zavalishin A. Yu., Kostyurina N. Yu. Russkaya rep-kul'tura: spetsifika nauchnogo analiza [Russian Rap Culture: Specifics of Scientific Analysis]. *Zhurnal integrativnykh issledovaniy kul'tury* [Journal of Integrative Cultural Studies], 2020, vol. 2, no. 1, pp. 60–68. DOI: 10.33910/2687-1262-2020-2-1-60-68. (In Russ.)

5. *Molodezh' v gorode: kul'tury, stseny i solidarnosti* [Youth in the City: Cultures, Scenes and Solidarities] / comp. and sci. ed. by E. L. Omelchenko. Moscow, Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki [HSE University Publishing House], 2020, 502 p. (In Russ.)

6. Boychenko A. E., Zhuchkova S. V. Chto skryvaet russkii rep? Tematicheskoe modelirovanie tekstov russkoyazychnoi hip-hop-stseny [What Is Hidden in Russian Rap? Topic Modeling of Russian-Language Hip-Hop Lyrics]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2020, vol. 23, no. 2, pp. 130–165. (In Russ.)

7. Mudryan N. S. K voprosu konstituirovaniya smyslov muzykal'noi kul'tury: strukturno-funktsional'nyi i semioticheskii podkhody [On the Constitution of Meanings in Musical Culture: Structural-Functional and Semiotic Approaches]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii* [Cultural Studies of Russian South], 2024, no. 2 (93), pp. 145–154. DOI: 10.24412/2070-075X-2024-2-145-154. (In Russ.)

8. Semenova V. V. *Kachestvennye metody: vvedenie v gumanisticheskuyu sotsiologiyu* [Qualitative Methods: An Introduction to Humanistic Sociology]. Moscow, Dobrosvet, 1998, 292 p. (In Russ.)

Information about the author

Cherkashina Anna A., master's student,
Applied Sociology and Social Psychology program,
Samara National Research University
named after Academician S. P. Korolev,
Samara, Russian Federation.
anyacher6@gmail.com

Received: 14.06.2026;

revised after review: 04.07.2026;

accepted for publication: 08.07.2026.